

ЯРИК СПАСАЕТСЯ БЕГСТВОМ

О ПЬЕСЕ
«БЕЛЫЙ ФЛАГ»

и безответственного молодого человека обильно разбросаны по всему тексту пьесы. «Вы еще не умерли, вы живы, вместе Хотите тянуть назад? Не

ПЬЕСА «Белый флаг» начинается довольно пошленькой сценкой. Двое пожилых людей — безымянный персонаж Полотер и тетя Густя по кличке Гусар самозабвенно спорят: надо ли было изолировать от общества некоего Лешку Синцова, мирового форварда, который изнасиловал девушку...

При этом разговоре присутствует двадцатилетний Ярик. Юноша полагает, что он ведет себя с достоинством, приличествующим и возрасту своему, и воспитанию (он сын профессора, студент).

ЯРИК. Спросили бы меня: пощадить или наказывать? Ответил бы: любую справедливость, во ненависть ханжество. Жизнь жестока...

Он уже преуспел во многих житейских мудростях, мнит себя судией над ближними и неблизкими. Когда Николай Иванович Петров подступает к сыну с требованием упорядочить свои отношения с девушкой Ниной, тот сам переходит в наступление. Зная о том, что инженер Петров в годы культа личности смалодушничал и предал своего друга «дядю Митю», Ярик легко ставит отца на колени по методу: «Я подлец? От подлеца слышу!»

Авторы не скупятся на черные краски. Шкурники и карьеристы, которые в свое время поощряли отступничество инженера Петрова, живы. Они работают с ним в одном и том же институте. Теперь они подсылают на квартиру профессора своего представителя, чтобы

К. Икрамов, В. Тендряков, «Белый флаг». Журнал «Молодая гвардия», № 12. 1962 г.

склонить Петрова на новое постыдное дело: уступить им приоритет в разработке асфальтоукладочного комбайна.

В качестве платы за отступничество от своего проекта комбайна, за «белый флаг» Петрову обещают не ворошить его старые грехи.

И профессор Петров выбрасывает «белый флаг». У него не осталось духовных сил на сопротивление обстоятельствам даже тогда, когда возвратившийся дядя Митя обещал ему свою поддержку.

Вот и все немудреное содержание этой крикливой, художественно беспомощной пьесы.

Но вернемся к Ярику, ради которого, видимо, и создана пьеса. Почему его никак не поймут ни дядя Митя, ни опозоренная все тем же Яриком и ожидающая решения своей участи Нина?

ГУСТЯ. С камешком вместо сердца люди стали рождаться.

ДЯДЯ МИТЯ. С камешком? Ой, нет! Сердце у них есть. Им говорят: не черните нашу действительность. А они: «Нашу? Нет, то не наша действительность, а ваша, при нас этого не повторится»... Кричат: «Все, что до нас, перечеркнуть! Не верим! Знать не хотим!»

Вот каков этот Ярик!

Он не желает изводить себя болью ни за ошибки прошлого, ни за собственные ошибки (а они у него уже, несомненно, есть). Жизненное кредо Ярика довольно отчетливо. Дабы читатель — не дай бог! — чего-нибудь не понял в образе Ярика, сентенции этого желчного

с вами живо и смиренчество... выйдем! Не пустим!»

Может, кто-нибудь всерьез пытается урезонить этого «романтического» юношу? Да нет. Даже дядя Митя говорит с ним робко и невразумительно, лишь в такой степени, чтобы своими невинными увещаниями вызвать в душе Ярика новую вспышку отрицаний.

А чего стоит такой истерический вскрик под занавес:

«Бежим дальше, чтоб не вернуться! В Братск! На Дальний Восток! Бежим, пока не упремся в океан! Нина, ты едешь со мной?»

Да, бегство — единственное, на что способны духовные банкроты, подобные Ярику, не нашедшие своего места в многомиллионном строю своих ровесников, строящих коммунизм.

Но примут ли этот удивительный подарок журнала молодые читатели, скажем, в Братске и на Дальнем Востоке?

Почему, собственно, восточное направление избрал для бегства Ярик? Этот фальшивый, нежизненный образ пришелся бы по душе тем западным буржуазным писателям, которые хотели бы увидеть в нашей стране столкновение между старшим и младшим поколениями.

Странно и горько видеть Владимира Тендрякова одним из авторов этой претенциозной пьесы. Вряд ли его прежние герои — Федор Соловейков или Саша Комаев — стали бы друзьями Ярика Петрова.

Н. РОДИЧЕВ